

Глеб Иванович Успенский

Идиллия

Глеб Иванович Успенский

Идиллия

**Серия «Растеряевские
типы и сцены», книга 3**

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664575*

Аннотация

«...Рассказ «Идиллия» («Отцы и дети») является откликом на один из вопросов, волновавших в то время русское общество. В марте 1862 года появился роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», вызвавший большую полемику в печати. Успенский в октябре того же года своеобразно отвечает на одну из проблем, поставленных в романе Тургенева, а именно на проблему взаимоотношения отцов и детей в пореформенное время, несколько иронически показывая ее в иной сфере – в среде мелкого чиновничества. ...»

Содержание

Примечания

14

Глеб Иванович Успенский

Идиллия

(Из чиновничьего быта)

Была осень. По небу бродили сероватые тучи и медленно сыпали на мокрую и грязную землю хлопья рыхлого снега.

У растворенных ворот одного небольшого домика в три окна стояло два чиновника, держа друг друга за руки.

– А то зайдемте, Семен Кузьмич, – говорил один из них, в старой шинели, надетой в рукава, с отвисшей из-под капюшона коленкоровой подкладкой.

– Да уж заходить ли? – в раздумье проговорил другой.

– Что там! эва! Заходите – да и только. Право, по одной пропустить истинно приятно!

– Разве по одной?

– Ей-богу; у меня есть этакая особенная... Пойдемте-ко!

– Ну-ну так и быть уж!

И они пошли.

Скоро они вошли в небольшую комнатку. В углу горела лампадка перед образом в большом красном киоте, на котором до самого потолка громоздились просфоры в бумажках, расписанные яйца и другие подобные предметы. По полу расстилались чистые половики, у стен чинно разместились несколько старых кресел с круглыми спинками.

– Прошу покорно! – сказал хозяин и, наскоро сотворив крестное знамение, направился в чайную.

В это время в соседней комнате на столе кипел самовар. Старшая дочь хозяина, девушка лет семнадцати, разливала чай; мать ее, старушка, сидела тут же. На пороге показался отец.

– Ты с кем это? – спросила жена.

– С Семеном Кузьмичом. Чайку нам дайте да свечу! Поскорее!.. Эй ты, Марфа! – крикнул он горничной, – свечу неси.

– Сейчас принесет, – проговорила жена. – Что это долго так нынче? – прибавила она.

– Да, таки долговато... Ирмосы¹ тянули-тянули. Я думал, и конца не будет...

Проговорив это, муж хотел было удалиться, но какая-то тайна, очевидно, мучила его. Нерешительно подвигаясь к двери, он потирал кулаком спину и необыкновенно тихо заговорил:

– Поясница что-то...

– Опять, небось, распахнулся на паперти?

– Нет... О-ох!.. Как ломит! О-ой!.. Ты бы нам дала по рюмочке, да закусить чего-нибудь.

– Пошли закусочки! – отчаянно произнесла жена.

– Ну что закусочки? Мелет, не знает что!

– Нет, знаю!..

¹ Ирмос – вступительный стих церковного песнопения.

– А ты, сделай милость, молчи... Во сто тысяч раз лучше это будет.

– Что молчи-то? И так все молчу. Совсем дурашная какая-то стала.

– И была-то не больно – тово! Дура дурой и была-то! – бесцеремонно заметил супруг и вошел в залу, аккуратно притворив за собою дверь.

Гость молчал. Молчал и хозяин.

– Намедни у Еноховых «вечную кликали», – наконец проговорил гость.

– А! Сорокоуст²? – спросил хозяин.

– Сорокоуст-с.

– Это когда?

– Третьего дня.

– Да-да-да. А мы с Емельяном Иванычем были у Селезневых на перепутье.

– Что же, как? – с любопытством спросил гость.

– Хорошо. Признаться, до такой степени, что именно – еле-еле...

– Хе-хе-хе-хе.

– Никольский, Егор Егорыч, знаете? так тот все просил, чтоб его в колодезь опустили в бадье.

– Зачем же?

– Уж и, ей-богу, даже совершенно не могу вам определить этого...

² *Сорокоуст* – сорокадневная церковная молитва по умершем.

Хозяин и гость дружно засмеялись.

Из соседней комнаты показалась горничная с подносом, на котором помещались графин водки и тарелка с кусками белого хлеба. Приятели выпили.

В это время в передней застучал кто-то калошами и хлопнул дверью.

– Кто там? – спросил хозяин.

– Это я-с!

– А-а!

– Кто это-с? – любопытствовал гость.

– Сын мой.

Гость оправился.

Вошел молодой человек, лет под тридцать, с примасленными волосами и лоснившимся лицом, выражавшим высокое смирение.

– Где был? – спросил отец.

– В Крестовой-с, – подходя к родительской ручке и потом свидетельствуя почтение гостю, произнес сынок.

– Садись-ко!

– Сяду-с.

– Водки хочешь?

– Не пью-с.

– Ну что ж, много народу было?

– И-и, боже мой!

– Там ведь постоянно большое стечение, – вмешался гость.

– То есть яблоку негде упасть, – с умилением добавил сын.

– А-а-а!..

– Да-с. Нынче архиерейские певчие пели двухорнос «Слава в вышних», Бортнянского сочинение³. Басы, я вам, тянька, скажу, просто на стену лезли!

– Именно на стену, – вмешался гость.

– И как глотки целы, подумаешь? – произнес сын и задумался.

Подали чай.

– Саня! – крикнул отец, – нет ли там ромцу?

В соседней комнате мать и дочь встрепенулись.

– Послушай-ка, что-то говорит, – произнесла мать, вся обратившись во внимание.

– Рому спрашивают, – отвечала дочь.

– Нету; намедни с этим же пьянчугой-то выпили.

– Нету рому, – приотворив двери в зало, проговорила дочь.

– Ну, нет ли наливочки какой? Поищите там...

– Наливки пожалуйста! – говорила дочь матери.

– Слышала, – отвечала с горечью та.

– Я к маменьке пойду-с? – вопросительно произнес сын.

– Поди!

– Вот подите же, человек вышел, – проговорил отец, кивнув головой на удалявшегося сына, – а я, признаться, совсем!

³ «Слава в вышних», Бортнянского сочинение... – Д. С. Бортнянский (1751–1825) – один из крупнейших русских композиторов XVIII века.

не ожидал.

– Что-о вы?

– Именно говорю: опасался, не ожидал. Да я вам что скажу, – ближе придвигаясь к столу, произнес хозяин: – он было меня со свету сжил!

Хозяин вопросительно смотрел на гостя.

– Он какие со мной штуки делал: определил я его на службу прямо из училища. Учился он хорошо: из закона пять⁴, и из других там... тоже слава богу! И начальники, случалось, ежели спросишь: как мол? – тоже все говорят: «Слава, мол, богу!»... Ну, думаем с женой: «Слава тебе, господи!» И вообще по науке, чистописание или что – не пожалуюсь! Ну только был этакой вялый, дробный. Думаю себе: придется кормить ни за что. Поместил его в свой стол. Только что же? Раз в именины приносит мне чашку. «Вот, говорит, тятенька, прошу принять посильный дар». – «Это ладно, говорю, где ты деньги-то взял?» – «Посильные, говорит, труды». И замаялся. Ну я понял, порадовался, авось, думаю, облегчит бремя родительское. Почему же не брать хоть за справку или там за что? Бери! Ну хорошо; только что дальше! Приехал к нам гурьевский мужик. Вот стоим мы с ним в палатском коридоре и говорим промежду себя. Гляжу, мимо сынок идет, посмотрел так-то на нас и пошел. Немного погодя и я тоже

⁴ Из закона пять... – имеется в виду обязательный предмет преподавания в дореволюционной школе – закон божий, излагавший основы учения христианской религии.

пошел. Через час никак иду к этому самому мужику, авось, думаю себе, что-нибудь перепадет, – гляжу: навстречу сын. «Ты куда?» – «Никуда-с, говорит. А вы не к гурьевскому мужику?» – «Тебе на что?» – «Так-с. Если к нему, так не ходите-с: я получил». Как сказал он мне: «я получил», так я и обомлел. Как? у отца? сын? перебивать? «Ты как же, говорю, смел это сделать?» – «Виноват!» говорит. «Сколько же, говорю, ты, мошенник, взял?» – «Рубль сорок», говорит. «Подай, стервяк ты эдакой!» – «Тятенька!» говорит, и заплакал: жалко стало! Отодрал я его тут за виски, говорю: «Не перебивай! Сам собой как знаешь, а у отца ни-ни-ни! Помни: чти отца твоего!» Ну-с хорошо, прошло никак дня два. Опять такая штука; немного погодя – другая. И пошло-о-о! Верите ли, никак месяц домой с пустыми руками приходил. Да что ж это, думаю наконец, ведь этак, прости господи, и без куса хлеба не долго остаться? Что он меня, аспид эдакой, заморить, что ли, хочет? Не вытерпел: призываю, говорю: «Убирайся из нашей палаты во»!» – «За что же?» говорит. «За то, что я тебя видеть не могу. С глаз долой!» – «Тятенька, помилуйте!» – «Что миловать? говорю. Ну вот, говорю, ты скажи-ка мне, что ты меня с голоду хочешь уморить, что ли?» – «Помилуйте, тятенька, как можно!» – «Ну и убирайся, говорю, подавай просьбу за болезнию». – «Да, тятенька, говорит, я здесь обжился». Я так и обомлел! «Да мерзавец же ты! Я здесь сижусь тридцать пять лет, три дюжины стульев под собой просидел: все это мне известно!» – «И мне, говорит, извест-

но». Измучился я. «Да бери ты, говорю, где хочешь, только не препятствуй мне. Не мешайся в мои-то дела!.. Не мути моего покою! Что ты, как бес, между ног бросаешься! В дураки меня не ставь!» Нет, да и полно! – вымолвил хозяин, разводя руками, и понюхал табачку.

Гость все время выражал в лице своем удивление, качал головой, безмолвно раскрывал рот и опять качал головой.

– Ну-с, батюшка вы мой. «Нет, говорит, мне здесь спокойно. Я, говорит, обжился». Что делать? Подумал, подумал, да и махнул просьбу «нашему», что, мол, будучи тесним беспрерывно своим единокровным сыном, я прибегаю к позлащенным мудростию стопам вашего превосходительства, омочая оные старческими слезами, ну и прочее, и прошу выгнать вон. Выгнали! Не вижу год. Раз как-то в соборе на страстной гляжу: стоит в шубе. Енотовая славная шуба! Я ничего, ни-ни-ни... Начали выходить, гляжу это с паперти, подают ему дрожки. «Ну, думаю, авось и на новом обжился». Немного погодя слышу-послышу – в чиновники особых поручений в слободы раскольничьи назначен. Н-н-ну, думаю!

И хозяин и гость разом выразили удивление подвигам молодого чиновника.

– Никак через месяц на конной, вижу, жеребца торгует, к лесу прицениется. Раз как-то сажу я дома, от ранней пришел, подают записку от кого-то. Читаю: «Милостивый государь тятенька!» А! думаю... «Долго и напряженно думал я, как вас назвать, наконец называю тятенька». Посмотрел

вниз, подписано: «Сын ваш такой-то». Читаю далее, просит прощения. Подумал я: что мне злиться? Взял и пишу: «Сын! когда ты меня называешь тятенькою, то я тебя сыном моим называю», подписался: «Отец», и послал. Прилетел сам, увез меня к себе. Гляжу: барином живет. Дамочка какая-то ходит. «Кто, говорю, такая?» – «А это», говорит и, знаете, замялся. Ну я смекнул – кто такая, усмехнулся, говорю: «Ничего», успокоил его, говорю: «Все мы грешны».

Гость ослабился.

– Угостил он меня тут обедом. Славный был обед: разварная стерлядь, вершков в пятнадцать, а то и весь аршин. Да-а-а! Ну и выпили мы тут. Разгорячившись, я подзываю его метрессу и даю ей полтинник. Обиделся ведь!

– Обиделся? – спросил гость.

– Обиделся! «Тятенька, говорит, неужели же я, говорит, не могу удовлетворить моему греховному поступку?..» Хе-хе-хе!

Гость гоже залился смехом, но потом крепко вздохнул и, грустно покачивая головою, произнес:

– Ох, детки, детки! Что горя-то с ними перенесешь! У меня тоже существует сынок. Только, я вам скажу, поискать да поискать, а такого животного навряд ли где сыскать можно.

Гость раздул ноздри и, выпучив глаза, уставился на хозяйина.

– Да-с. Примерная скотина! Непочтителен, груб, безбожник. Сидит за книжкой – молчит. «Чего это ты, говорю, мол-

чишь?» – «Ничего». Я как тресну по роже.

Только позеленеет! «Вот тебе, говорю, ничего: будешь знать, как родителю отвечать». Не пронялся же! Раз встаем из-за стола, не перекрестился! Говорю: «Почему ты не перекрестился?» – «Я, говорит, так хочу». – «А я, говорю, тебя изувечу». – «И я тебя, говорит, изувечу...» – «Да я – отец!?» – «А я, говорит, сын!» Я ему прямо в волосы! Уж трепал, трепал! – ибо сил моих более нехватило... терпеть! – Где стерпеть!

* * *

Часа через два с крыльца сходил, еле держась на ногах, гость. Хозяин тут же стоял со свечой, покачиваясь из стороны в сторону; его за рукав придерживала дочь. И хозяин и гость что-то бормотали, но что именно, разобрать было трудно.

На дворе была темь.

Примечания

Этот *первый* рассказ Успенского появился в печати под заглавием «Отцы и дети» в московском журнале «Зритель общественной жизни, литературы и спорта», 1862, № 46, от 10 ноября. При перепечатке его в сборнике «Очерки и рассказы» 1866 года (в разделе «Эскизы», под заглавием «Идиллия. Из чиновничьего быта») Успенский значительно улучшил текст рассказа: внес существенные дополнения, сделал сокращения и произвел большую стилистическую правку. В сборнике «Разоренье» 1871 года рассказ без изменений был перепечатан в разделе «Мелочи». В «Сочинениях» Успенский продолжил стилистическую правку, сократил некоторые части рассказа и изменил характеристику сына гостя-чиновника, – в ранних редакциях это был юноша неопределенного «нигилистического» типа: «Непочтителен, груб, безбожник. Постоянно дуется»; в «Сочинениях» ему приданы более определенные черты – слова «Постоянно дуется» заменены словами: «Сидит за книжкой – молчит».

Рассказ «Идиллия» («Отцы и дети») является откликом на один из вопросов, волновавших в то время русское общество. В марте 1862 года появился роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», вызвавший большую полемику в печати. Успенский в октябре того же года своеобразно отвечает на одну из проблем, поставленных в романе Тургенева, а именно на

проблему взаимоотношения отцов и детей в пореформенное время, несколько иронически показывая ее в иной сфере – в среде мелкого чиновничества. Перед нами два представителя поколения «отцов», открыто говорящих об источнике своего материального благополучия – (взяточничестве, и два сына различных убеждений: один – ловкий хищник, счастливый соперник своего отца по части взяток и грабительства народа; другой – отщепенец чиновничьего мира, «нигилист»).

Рассказом «Идиллия» открывалась целая серия произведений Успенского «из чиновничьего быта», в которых он показывает внешнее однообразие, внутреннюю пустоту, низменность жизни этой мелкой провинциальной бюрократии и ее лихоимство.